

С. Г. Сердюкова

**Политическая элита эпохи
Антонинов**

Многих представителей сенаторского и всаднического сословий можно отнести к так называемой правящей элите, поскольку они обладали большой долей общественных ценностей, как то знания, богатство, почет, власть. Они являлись наиболее активными в политическом отношении, ориентированными на власть людьми. Наряду с этой правящей элитой, которая концентрировалась в основном в Риме, имелась также “субэлита” – муниципальная знать и “контрэлита” – вожди христиан, предводители мятежников. Высшим слоем политической элиты являются советники принцепса, заведующие ведомствами императорской канцелярии, высшие должностные лица; к среднему слою правящей элиты относились властные структуры регионов, то есть наместники, муниципальная знать и командующие армиями; низшую политическую элиту олицетворяли чиновники и должностные лица различных рангов.

Главные интересы этого слоя носят политический характер, причем в них можно выявить два компонента: общественный и корпоративный. Общие интересы заключались в стабилизации социально-экономического развития общества, наращивании его могущества и обеспечении надежной обороноспособности. Корпоративные интересы проявляются в стремлении сохра-

нить и укрепить свое положение. Это достигалось отнюдь не высокоэффективной деятельностью, но посредством создания личностных группировок, члены которых поддерживали друг друга в силу социальных и родственных связей. Такой путь в итоге завел страну в тупик, потому что не решал ни одну из острых проблем.

В римском обществе II в. существовал закрытый тип политических элит. Отбор претендентов на посты в управлении осуществлялся на основе строгого контроля из числа лиц, преданных существующим порядкам, придерживающихся традиционных норм поведения, исповедующих официальную идеологию и активно выступающих против любого инакомыслия. Внутри элитарного слоя также не наблюдается демократических принципов: невозможно было свободно обсуждать вопросы внутренней и внешней политики, что отрицательно сказывалось на развитии общества. Несогласие с официальной политикой воспринималось как покушение на существующий порядок и вело к отстранению несогласного от власти, а порой к преследованию.

Во II в., как и в другие периоды принципата в отношениях между императором и сенатом возникали кризисы. Напряженность появлялась не только из-за авторитарного использования власти принцепсом, но также из-за централизации управления и накопления компетенций в руках правителя. Конфликты были изначально заложены в фундамент принципата из-за существовавшего порядка наследования, который не мог быть окончательно заменен даже идеологией адоптивной монархии.¹ Однако, стоит заметить, принцепсы династии Антонинов держали ситуацию в сенате под контролем, стремясь более к

¹ Christ K. Geschichte der romischen Kaiserzeit: Von Augustus zu Konstantin. Bd. I. Munchen, 1988. S. 532.

сотрудничеству и избегая конфронтации. Поэтому, возможно, противостояние не перерастало в оппозицию, а оставалось на уровне частных вопросов и личного недовольства.

В плане политическом правление Антонинов начинается с реформы, которую можно охарактеризовать, если не как правовую, то, как идеологическую. Император объявил сенат неподвластным юрисдикции принцепса и дал клятву самовольно не казнить сенаторов (Dio Cass., LXVIII, 2).² Правда, это ограничение власти правителя не получило форму закона. Хотя сенат, и был неподсуден цезарю, но зато все остальное население находилось в подчинении его судебной власти. Но уступка все же представляет собой границу между тиранией и монархией.³ “Конституционными моментами” назвал С.И. Ковалев мероприятия Нервы в отношении сената, полагая, что они, тем не менее, несколько не поколебали основ режима, названного исследователем “военной монархией”, которая постепенно становилась и монархией бюрократической.⁴ Следует заметить, что преемники Нервы фактически не считались с данной “конституцией”.⁵

С.И. Ковалев полагал, что в период принципата Траяна сенат продолжал терять свое реальное значение в системе управления, уступая место бюрократии. Но власть Траяна сочетала в себе твердость и благожела-

² Надписи на монетах гласят PROVIDENTIA SENATUS (Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи, М., 1995. С. 196).

³ Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти, т. II, СПб., 1901. С. 268-269.

⁴ Ковалев С.И. История Рима / Под ред. Э.Д. Фролова, изд. 2, Л., 1986. С. 543.

⁵ Впрочем, и в сенате, и на сходках Адриан часто говорил, что будет вести государственные дела, не забывая, что это — дела народа, а не его собственные.

тельность, и самодержавный по существу характер своего правления он умел сочетать с терпимостью и внешней мягкостью.⁶ Время оппозиционности словно бы осталось в прошлом. Теперь современники в большинстве своем говорят о наступившей свободе. Конечно, это не была свобода республиканская, это – свобода “просвещенной монархии”. Государством управляли теперь интеллектуалы, “мудрецы” из стоического морального учения. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основе письменных источников. Эти “мудрецы” прекрасно разбирались в политике, праве и философии. Изменения, о которых мечтали стоики I века, подобные Сенеке и Тразее, произошли, мечты стали реальностью.⁷ Произошел, как нам кажется, самый настоящий идеологический переворот: монархическая власть усиливалась, а общество в целом, как это не парадоксально, не слишком сопротивлялось такому ходу событий. Причины тому следующие: во-первых, когда к власти пришел принцепс, исповедовавший публично идеалы, близкие стоикам, оппозиция теряла цели борьбы. Ведь в I веке, например, главной задачей ее являлось сопротивление тирану и достижение идеала в образе “стоического мудреца на троне”. Траян же, следуя за Нервой, а точнее придерживаясь курса, обозначенного при Нерве его императорским советом, говорит

⁶ Ковалев С.И. История Рима. С. 545. Траян отказался от практики узурпирования консульской власти. Должность консула была возвращена сенатской аристократии. Император во время своего избрания на должность консула не только присутствовал в Собрании народа, но подобно простому сенатору, подчинялся длительному ритуалу комиций (См.: Федорова Е.В. Люди императорского Рима, М., 1990. С. 182; ср. Plin. Pan.63-65).

⁷ Есть мнение, Сенека пытался достичь верховной власти в ходе заговора Пизона (65 г.). Возможно, если бы ему удалось стать принцепсом, Римская империя достигла стабильности на 40 лет раньше.

обществу об ограничении императорской власти (Dio Cass., LXVIII, 5, 2), и хотя имел подчас основания ужесточить режим, исполнял по возможности это обещание. По мнению Э.Д. Гримма, ограничение власти Траяна имеет значение лишь постольку, поскольку оно указывало на то, что общество осознало опасность, которая заключалась для него в неограниченной власти принцепса,⁸ то есть правитель решил “осуществить реформу сверху”. Мы же хотим добавить: ограничение говорит также о том, что император сам понимал опасность неограниченной власти для него. Продолжая далее, заметим, что II век – это время господства не только силы, но и идеологии и пропаганды. Без произведений Плиния Младшего, Диона Хризостома, Тацита, Светония, которые так или иначе поддерживали правителей, без крупномасштабных идеологических акций, вроде выпуска монет “республиканской” серии, грандиозных построек, завоеваний, династия Антонинов не чувствовала бы себя настолько уверенно на троне. В сущности, принцип их правления можно сформулировать следующим образом: важно не то, что делает правитель, какие реальные шаги он предпринимает, а то, как его деятельность отражается в умах подданных. Сенат желал уступок от принцепса, он получил желаемое, а то, что ограничение – лишь формальность, видимость, иллюзия, этот факт имеет для власти уже второстепенное значение. Траян обещает, как заметил Э.Д. Гримм, подчинить свою деятельность интересам, но не воле сената и народа.⁹ Траян всячески укрепляет императорскую власть, часто, хотя и деликатно, вмешивается в дела сената, и общество его не осуждает. Принципат не только по конституционному положению, но и по настроениям и взглядам людей на власть превращается в монархию. Подобное положение вещей ис-

⁸ Гримм Э.Д. Исследования по истории... Т. II. С. 287.

⁹ Там же.

следователь раннего принципата Ф. Марш назвал “целостной и тонко отрегулированной системой, где реальности были замаскированы изоощренно разработанными юридическими фикциями”.¹⁰

В руках императора был один из самых важных элементов власти – власть над армией. Распоряжение главной имперской казной – *aerarium populi Romani* теоретически было правом сената, но на деле становилось невозможным. Гражданское и уголовное право было под контролем, как императора, так и сената. Марк Аврелий, например, активно подключал к судебным делам сенаторов, поручив им то, чем раньше занимался сам. Но в то же время сенат представлял в качестве высшего имперского совета. Император являлся главным сенатором, то есть первым среди равных (*primes inter pares, princeps senatus*) (Plin. Pan., 23; 62; 64; 76). При назначении принцепса необходимо было признание сената. Сенат оказывал влияние на формирование части штата служащих, благодаря тому, что император не назначал проконсулов, наместников и большую часть управленческого персонала, а брал на эти должности людей из кругов, состоящих из бывших консулов и преторов. А поскольку в избрании консулов и преторов помимо императора участвовал и сенат, то последний тем самым косвенно влиял на выбор чиновников.

Таким образом, у сенаторов, как мы видим, рычагов управления оказалось не так уж мало, но зачастую им принадлежала не власть, а видимость власти. Так, император Адриан, например, просил у сената извинения за то, что не дал сенату высказать суждение по поводу перехода к нему власти, так как спешно был провозглашен войсками (V. Hadr. VI, 2), хотя

¹⁰ Marsh F.B. The reign of Tiberius. London, 1931. P. 16.

он же резко порицал тех императоров, которые не оказывали уважения сенаторам; римским всадникам он не позволял судить сенаторов (V. Hadr. VIII, 7-11). Адриан не допускал также и процессов об оскорблении величия (de maiestate) (V. Hadr. XVIII, 4). Закон об оскорблении величия не был отменен, но его применение для оправдания расправ, совершаемых императорами и их приспешниками, стало невозможным (Plin. Pan., 42). Кроме того, Траян весьма своеобразно расправился с доносчиками. “Все они были посажены на быстро собранные корабли и отданы на волю бурь; пусть, мол, уезжают, пусть бегут от земли, опустошенной через их доносы” (Plin. Pan., 34). При Антонине Пии, как сообщает его биограф, делателям также не находилось места, а конфискации имущества происходили реже, чем когда бы то ни было. Атилий Тициан был таким образом наказан сенатом за стремление к тирании (V. Ant., VII, 1). Принцепс, однако, запретил производить розыск относительно его соучастников, а его сыну он всегда оказывал помощь во всем. С другой стороны, при Адриане были две волны репрессий. Казнь четырех консуляров в 117 г. (V. Hadr., XXIII, 8; XXV, 8; Ant. Pius., II, 3), видимо, была проведена на основе *lex maiestatis*. Фактом, скорее всего, является то, что обвиняемым предъявлялись обвинения в реальных заговорах, (ряд казненных, действительно, в них участвовали), а обвинения типа оскорбления словом или нейтральным действием, магические действия и т.п., скорее всего, не фигурировали.

Еще один важный вопрос – оппозиционность аристократии. Нам кажется, что при Антонинах оппозиции не существовало. Даже того инакомыслия, которое мы наблюдаем при Юлиях-Клавдиях или Флавиях уже не существует, хотя некоторого рода недовольство проявлялось время от времени. Империя установила особые, подобные клиентеле, отношения между каждым клас-

сом и императором, что должно было свести до минимума оппозицию.¹¹ Не стоит, забывать о происхождении власти Антонинов: новых правителей сенат избирал из числа тех, которые знали все обиды аристократии, принимали участие в недовольстве светского общества. Плиний говорил Траяну: “Ты жил, ты трепетал так же, как мы, такова была тогда жизнь всех честных людей. Ты по опыту знаешь, как ненавидят дурных цезарей; ты помнишь еще, чего ты желал, и что ты оплакивал вместе с нами (Pan., XLIV). Как верно заметил Г. Буассье, принципсам не предлагали сократить свою власть или с кем-нибудь разделить ее, напротив, все хотели, чтобы они сохранили ее целиком для укрепления общественного спокойствия.¹² От них требовалось только, чтобы они проявляли свою власть в более мягкой и гуманной форме, слушали наставления мудрецов, чаще совещались с сенатом, внимательно относились к общественному мнению, смягчали внешние формы собственной власти.

Антонины не придавали слишком большого значения сенатской оппозиции, но против заговоров им необходимо было себя обезопасить. Вскоре после вступления на престол император Траян начал создавать секретную службу для защиты режима и самого себя, видимо, наличие преторианцев и телохранителей ему казалось недостаточным. Подразделения фрументариев (*frumentarii*) являлись поставщиками информации. Обосновались они в *Castra Peregrinorum* на Целиевом холме в Риме и установили контрольные посты на дорогах далеко за чертой города. Фрументарии были императорскими курьерами, чиновниками высокого ранга в Риме и провинциях. М.И. Ростовцев пишет, что первоначально они являлись чиновниками, исполняв-

¹¹ Gage J. *Les classes sociales l'Empire romain*. Paris, 1964. P. 15.

¹² Буассье Г. Оппозиция при Цезарях // *Собрание сочинений в 10 томах*, СПб., 1995. Т. II. С.286.

шими обязанности контролеров в качестве *praefectus annonae*. Они служили в Остии, Путеолах, Риме и вдоль дороги, ведущей из Путеол в Рим. Будучи вооруженной силой, *фрументарии* занимались операциями, связанными со снабжением зерном. При Траяне помимо этой важной функции они приобрели и функции полицейские. Траян реорганизовал и централизовал их подразделение.¹³ М.Е. Сергеевко замечает по поводу этих агентов: “Первоначально это был конвой, сопровождавший обозы с хлебом”. В легионах они, кроме того, должны были следить за солдатами, выискивая недовольных и подозрительных людей.¹⁴ Была также учреждена стража из конницы союзников (*equites singulares*) – 500 человек, тщательно отобранных из кавалерийских полков союзнических племен Паннонии и Германии. Тем самым Траян продемонстрировал, что доверяет иностранцам не меньше, чем преторианцам, которые состояли преимущественно из италийцев.

Заговоры происходили и при Адриане, и при Антонине Пии, и при Марке Аврелии. Уже в самом начале правления Адриана опекуну императора Аттиану пришлось предпринять предупредительные меры к четырем влиятельным государственным деятелям, которые могли замыслить заговор. В 118 г. были казнены 4 консуляра: Г. Авидий Нигрин, Луций Публиций Цельс, Авл Аврелий Пальма, Луций Квиет (V. Nadr. VII, 1-2). Приговор был вынесен сенатом, Адриан заявил о своей непричастности к казням, уволил с поста префекта претория Аттиана (возведя при этом в консульский ранг).

¹³ Rostowzew M. *Frumentarii* // RE. Bd. VII,1. Sp. 181.

¹⁴ Сергеевко М.Е. Жизнь древнего Рима. М.-Л., 1964. С. 300. *Фрументарии* упоминаются в *Жизнеописании Адриана*. Император через них узнавал все о своих друзьях и других людях. О любопытстве Адриана: V. Nadr., XI; о полиции: V. Alex. Sev., XXIII; о шпионах: Juv., IX, 102-129; Arr., Diss. Epikt., IV, 13.

Такой же случай связан с Крассом Фруги, который был убит прокуратором под тем предлогом, что он замысливает государственный переворот, убит якобы без приказа Адриана. По обвинению в стремлении к захвату власти со 136 по 138 гг. были казнены Юлий Урс Сервиан и его внук Фуск, впали внемилость Турбон, известный полководец, Гай Уммидий Квадрат, консул 118 г. Катилий Север, консул 120 г. и городской префект 138 г. (V. Nadr. XXIV,6; V. Marci, I,4). Адриан расправился с теми, кто помог ему достичь власти, с теми, кого считал слишком опасными.

Оппозиционность такого рода представляет собой время от времени прорывавшееся, но постоянно тлевшее недовольство тех, кто по происхождению и богатству мог претендовать на роль принцепсов. Нобили подчас не желали укротить свои непомерные амбиции, и так же, как когда-то их отцы и деды стремились уничтожить принцепса и захватить власть. Но большинство сенаторов сделали свой выбор в пользу обеспеченной безопасности, в противоположность хаосу и ужасам гражданских войн. Недовольство части аристократии было аморфным, разнородным и лишенным сколько-нибудь ясной идеологии и программы, а потому неопасным для режима.¹⁵

Следующее, что хочется отметить относительно сената — это рост значения сенаторов провинциального происхождения. При Антонине Пии, к примеру, число италийских консулов сократилось до 56%, а при Марке Аврелии — до 43%. По данным М. Хэммонда количество сенаторов из провинций менялось следующим образом: при Домициане их было 23,4%, при Антонинах — до 45%. В том числе из восточных провинций: при Домициане — 15,8% от количества всех сенаторов из провинций, при Траяне — 34,6%, при Адриане — 36,8%,

¹⁵ Межеричкий Я.Ю. “Республиканская монархия”: метаморфозы идеологии и политики императора Августа, М.- Калуга, 1994. С. 357.

при Антонине Пии – 56,5%, при Марке Аврелии – 53,7%,¹⁶ при Коммодe – 60,8%. Число сенаторов из Африки выросло с 5,8% при Траяне до 31,4%, при Коммодe.¹⁷ В данном вопросе трудно согласится с мнением К. Криста, который считает, что выдвижение провинциалов вызвано кризисом второй половины II века, когда упал спрос на сенаторов, отягощенных великими семейными традициями.¹⁸ Скорее всего, мы наблюдаем развитие тенденции, которая появилась еще в I в. н.э. Причинами усиленного пополнения сената провинциалами, которое особенно деятельно началось со времен Траяна, были, с одной стороны, то обстоятельство, что сенат превратился в своеобразный орган представительства общеимперской аристократии, с другой же, – необходимость пользоваться в провинциях услугами лиц, принадлежащих к сенаторскому сословию. Сенат антониновской Империи стал, безусловно, относительно пропорционально и адекватно представлен от провинций. Во всяком случае, это было гораздо более справедливое представительство, чем в I в. до н.э. и I в. н.э.

Римский сенат никогда не был выборным, но во II в осуществлялось нечто похожее на выборность, чего не было никогда ранее. Большая часть сенаторов-провинциалов и италиков представляли местные элиты, как бы делегирующие их для “лоббирования” своих интересов. На местах продолжала сохраняться выборная сис-

¹⁶ При Марке Аврелии было введено в сенат больше провинциалов, чем при каком-либо бывшем до него принце, особенно из восточных и африканских провинций. Теперь провинциалы составляли в сенате не менее половины. Эти меры нужны были не столько для поднятия авторитета сената, сколько для инкорпорации сената в общую бюрократическую структуру государственного управления империи.

¹⁷ Hammond M. Composition of the Senate a.d. 68-235 // JRS. Vol. 47. 1957. P.77.

¹⁸ Christ K. Geschichte der romischen Kaiserzeit... S.535.

тема (дуумвиры, эдилы, квесторы, аналогичные должности в греческих и восточных городах). По закону занятие должности в своем городе или области означало предоставление римского гражданства (если *civitas* ее не имела), а иногда, возможно, и всаднический ранг, а, следовательно, и возможность продвижения вплоть до верхних частей элиты. Это не могло не расширить социальную базу системы. Сенаторы II в. — явно менее замкнутая корпорация, чем сенат I в. н.э.

Пополнение римского правящего класса из рядов провинциальной аристократии приводило к значительному ослаблению провинциальных сил, к еще большей иерархизации общества, к нивелированию юридической и социальной дифференциации. Последнее стало причиной новой поляризации между *honestiores* и *humiliores*.

К *honestiores*, или лицам *in aliquo honore*, или *aliqua dignitate* при Антонинах и Северах относились следующие категории граждан:¹⁹

1) представители сенаторского сословия;

2) лица, носившие титул *clarissimi*. Этот титул появился в IV в. н.э. Тогда его употребление было редким и носило случайный характер. Постепенно его употребление становится чаще, развивается и образует определенную систему. Почетное имя *clarissimus* дается в эпоху Антонинов лицам, участвовавшим в высшей администрации, обыкновенно только в муниципиях, магистратам или частным лицам.²⁰ Когда титул получил офици-

¹⁹ Здесь следует сразу отметить, что сенаторы и всадники являлись *honestiores*, члены канцелярий и аппарата — тоже. Видимо, сюда относились и представители провинциальных элит (местные магистраты, куриалы и др.), даже если они не имели всаднического и сенаторского ранга. Также известно. Что к *honestiores* относились провинциальные жрецы императорского культа. Солдаты (не только ветераны) позже стали *honestiores*.

²⁰ В надписи из Тергесты так назван Л. Фабий Север (CIL V,532); в двух других надписях титул *clarissimus* присвоен Эмилию Макру (CIL VIII,273 и 422).

альный характер сказать трудно, во всяком случае, в эпоху Северов он имел уже государственное значение. Сенаторская карьера в большей мере, чем раньше стала наследственной, что привело к преобразованию сенаторского сословия в настоящий класс, все члены которого вместе с женами и детьми с середины II в. стали именоваться “светлейшими”.²¹ Возможно, что титул *clarissimus* тождественен титулу *senator*, но против этого утверждения говорит тот факт, что в середине II в., судя по надписям, титул прилагался не только к лицам сенаторского сословия, но и другим высшим чиновникам. Ульпиан выделяет *clarissimus* в особое сословие, отличное от сенаторского, но близкое к нему по общественному положению (*Dig.*, I,9,8);

3) *Viri eminentissimi e viri perfectissimi* (*Cod. Just.*, IX,41,11), *egregii viri* (титул давался прокураторам и лицам, имевшим официальный чин) (*CIL VIII*,2757; 2732; 9760 и др.); чиновники реформированной Антонинами императорской канцелярии (*scrinia*);

4) Всадники;

5) Ветераны.

Между *honestiores* и *humiliores* были существенные различия в отношении прав, государственных повинностей, суда. При разборе судебных тяжб привилегированная знать постоянно подвергала дискриминации бедняков. Поэтому важнейшей задачей Антонинов стала защита угнетенных. Такая социальная политика нашла отражение во многих законодательных актах, которые относятся к вольноотпущенникам и рабам, защищают *collegia teniorum* от *potentiores*. Издание Сальвием Юлианом уточненных эдиктов также способствовало этой задаче.

²¹ Gage J. *Les classes sociales dans l'Empire romain*, Paris, 1964. P. 127. Все-таки следует учитывать, что этот титул чаще встречается в северовское время, а окончательно утверждается при Диоклетиане.

В положении сената происходит еще одно изменение в отношениях со всадничеством и аппаратом принцепса. В I в. н.э., по крайней мере, до Флавиев принцепс управлял в основном при помощи сенатского аппарата, внесенатский аппарат играл вспомогательную роль. При Флавиях и, особенно при Траяне и Адриане, эти структуры могли взять на себя значительную часть управления, став уже реальным конкурентом сената. Впрочем, этот процесс не следует преувеличивать, время Антонина и Марка Аврелия стали периодом известного “сенатского ренессанса”, а Марк Аврелий открыто заявлял о своем подчинении сенату. Кризис 60-80 гг. II в. нанес смертельный удар именно по сенатским структурам, хотя “сенатские ренессансы” были и дальше (Александр Север, Пупиен и Бальбин), и неизвестно, как бы разворачивались события, не будь этих тяжелых войн.

Со времен Флавиев происходит спад значения либеров в имперском аппарате, а ко времени Адриана все руководящие посты в его структурах (префектуры, канцелярии, прокураторы и др.) были заняты всадниками. Как ядро внесенатского аппарата они играли все возрастающую роль. Полагают, что префектура Перенниса при Коммоде была первой попыткой всадничества всерьез взять власть в свои руки, его роль росла и далее. С другой стороны, всадники и сенаторы не были антагонистическими силами, традиционные стереотипы отношений и связи сохранялись, а мечтой любого всаднического администратора было получение сенатского ранга или магистратура.

Авторитет принцепса в высших кругах был очень высок. Например, при избрании на должность магистратов решающее значение имела рекомендация принцепса. В надписях часто подчеркивается благосклонность цезаря. Считалось престижным получить чин, будучи кандидатом, представленным императором. Но, несмотря на это, сенат все же сохранял определенную

свободу действий при назначении на должности. Так, Плиний придает большое значение принятому при Траяне закону о тайном голосовании на выборах должностных лиц. Обычай этот не был новым, он применялся в народных собраниях еще во II в. до н.э., но во времена Плиния выполнялся плохо.²² Писатель сообщает, что к такому голосованию прибегли как к лекарству против беспорядков на выборах. “Однако, — говорит он, — боюсь, как бы лекарство не породило новых болезней” (Ер., III, 20). Его опасения имели серьезные основания. Он пишет, что на последних выборах на нескольких табличках был написан какой-то вздор, даже непристойности” (Ер., IV, 25). Читая эти строки трудно согласиться с мнением М.И. Ростовцева, который утверждал, что сенат ценил свою незапятнанную честь и осознавал свои обязанности перед государством.²³ Такая оценка римского сената II в. кажется чересчур идеалистичной и не выдерживает критики. Хотя Плиний также патетично восклицает: “В интересах ли государства, к чести ли его, допускать, чтобы человек, заклеенный сенатом, сидел в сенате, равный тем самым людям, которые его заклеили (Ер., II, 12). В этих словах чувствуется гордость и амбициозность сенатора, его стремление сохранить свою честь незапятнанной, но не стоит принимать желаемое за действительное. Реальное положение дел все-таки обстояло иначе. Относительная свобода, данная сенату, часто перерастала в злоупотребления. В таких случаях императорам приходилось вмешиваться в процесс выборов, в работу сенаторов, приходилось контролировать поступки должностных лиц, пресекая взяточничество и поборы.

²² Соколов В.С. Плиний Младший. М., 1956. С.187.

²³ Rostovtseff M.A. 1) Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol. II. Oxford, 1926. (Перевод на русский язык: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. СПб., 2000. С.109).

В итоге, следует отметить, что сенат продолжал существовать в эпоху принципата потому, что традиционный взгляд на его роль сохранялся. В официально идеализированном представлении император правил не потому, что располагал вооруженной силой, а потому, что его в соответствии с республиканским законом утверждал сенат. Императоры не воспринимали свою власть как подлинную, пока она не была утверждена сенатом. Г.С. Кнабе об отношении императоров к сенату пишет: “Уходившая своими истоками в гражданскую общину, вековая связь традиций, верований, полуосознанных убеждений и вкоренившихся навыков так плотно охватывала жизнь, была такой крепкой и всеобщей, что первые императоры не только не пытались ее прервать, но и стремились вратить в нее создаваемый режим”.²⁴

²⁴ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь, М., 1981. С. 33.